

СОЗДАНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Владислав Геннадьевич КОКОУЛИН, кандидат исторических наук. Новосибирский государственный университет

Разгром Колчака, Юденича и Деникина к концу 1919 г. изменил военно-политическое и международное положение Советской России, получившей временную мирную передышку. Однако Антанта готовила новое выступление, рассчитывая на белополяков; кроме того, на Дальнем Востоке были сосредоточены крупные боевые силы Японии численностью до 175 тыс. чел. Отдавая максимум сил борьбе на западном фронте против Польши и остатков армии Деникина, большевики применили на востоке страны один из самых удачных дипломатических приемов. В 1920 г. после разгрома Колчака они пошли на создание буферного государства к востоку от Байкала, играя на противоречиях Токио и Вашингтона, с целью отсрочить войну с Японией и по возможности вытеснить интервентов мирным путем с Дальнего Востока.

Задача создания такого буферного государства была поставлена перед дальневосточными партийными организациями в январе 1920 г. и решена в октябре того же года, когда удалось вытеснить семеновцев из Читы и объединить Дальний Восток в Дальневосточную республику (ДВР).

Красная Армия, начав освобождение Урала и Сибири от Колчака, теснила его части на восток. К началу августа 1919 г. были освобождены Урал и Тобол, во второй половине октября 1919 г. 3-я и 5-я Красные Армии перешли в наступление в районе рек Тобола и Ишима и 14 ноября освободили Омск. В это время в Иркутске образовался эсеро-меньшевистский Политцентр, который собирался организовать в Восточной Сибири и Прибайкалье буферное государство буржуазно-демократического типа, предполагая после «перерождения» советской России в буржуазно-демократическое государство объединиться с ней.

Так, на переговорах с представителями Антанты в начале января 1920 г. член Политцентра меньшевик Ахматов объявил: «Образуя Сибирское правительство, мы не покидаем мысли об единой России, но у нас совершенно иные способы осуществить это, чем у вас. Мы желаем произвести объединение всех демократических ячеек, которые составились вокруг советской власти. Они приобретут власть и примут все вместе взятые единую Россию»¹.

В конце декабря в Иркутске началось восстание, в начале января власть перешла к Политцентру. Союзники особым договором обязали Японию прекратить как финансовую, так и военную поддержку Семенова. Последний приказал своим войскам прекратить наступление на Иркутск и вернуться

* Статья написана на основе материалов сибирских архивов.

в Забайкалье. Политцентр обратился к «населению Сибири» с особым манифестом², надеясь организовать в Восточной Сибири буферное государство, независимое от советской России.

В Иркутске фактически образовались две власти. Одна — Политического центра, официальная, другая — иркутского комитета коммунистической партии, набиравшая силы, чтобы открыто выступить. В этих условиях мелкобуржуазные партии могли рассчитывать на сохранение своей власти, только договорившись с коммунистами. 7 января объединенное заседание иркутской организации трудовой народно-социалистической партии и РСДРП довело до сведения Политцентра следующую резолюцию: «Нас, русских, почти потерявших государственное национальное лицо, третируют другие народы. Объективное понимание задач момента и требование народных масс — это немедленное прекращение гражданской войны и переход к мирному производительному труду. Но для выполнения этой основной задачи необходимо, чтобы борющиеся партии отказались бы от своих домогательств и подчинились организованно и свободно выраженной воле большинства народа».

В этот же день Политцентр на своем заседании постановил: «Образовать делегацию (для переговоров с советской Россией. — **В.К.**) немедленно. Переговоры должны вестись на основе образования временного государства и прекращения продвижения советских войск; целью государственного образования является ликвидация реакции и создание необходимых условий для этого в международном отношении». Было также решено в состав делегации включить трех представителей — по одному от РСДРП, ПСР и земского политического бюро. Это были И.И. Ахматов, Е.Е. Колосов и В.М. Коногов.

Земцы, входившие в состав Политцентра, требовали «оградить себя от всякой военной опасности со стороны большевиков... Оградив свою территорию от большевиков, разлагая морально и политически их армию, новое демократическое правительство... сможет в дальнейшем ликвидировать гражданскую войну, не прибегая непременно во всех случаях к силе оружия»². 12 января 1920 г. на заседании Временного совета Сибирского народного управления представитель Политцентра А.А. Иваницкий-Василенко, говоря о сути буфера, заявил: «Эта демократическая государственность является той прослойкой, которая охраняет всю остальную Россию от всяких попыток вмешательства извне и которая вместе с тем создает тем самым наиболее нормальные условия для развития тех внутренних процессов, тех внутренних изменений, которые называют в самой России».

17 января политцентровцы направили заявление представителям антантовского командования: «Выражая свою признательность за искренний и лояльный нейтралитет, декларированный Высокими комиссарами иностранных держав, делегация Политцентра полагает, что только невмешательство иностранных сил во внутреннюю борьбу, которая развертывается в Забайкальской области, и непрепятствования Народной Армии и правительству в выполнении ими долга в отношении населения Забайкалья создает нормальные условия для разрешения вопроса о быстрой и относительно безболезненной ликвидации реакции, возглавляемой атаманом Семеновым»³.

Успехи Красной Армии в январе 1920 г. на восточном фронте были столь очевидны, что сибирские коммунисты рассчитывали на победу советской власти на Дальнем Востоке уже в ближайшее время. Однако Сиббюро считало недопустимой поспешность в решении военно-политических задач на Востоке. 13 января 1920 г. на заседании Сиббюро было решено использовать «японо-американские противоречия и... противопоставить переговорам с американцами переговоры с Японией»⁴.

В середине января председатель Сибревкома И.Н. Смирнов выехал в Томск для переговоров с командованием чехословацкой армии о необходимости приостановить разрушение железной дороги отступающей белой армией. Одновременно для переговоров с Реввоенсоветом 5-й Красной Армии из Иркутска в Томск выехала делегация Политцентра. Политцентровцы планировали договориться о перемирии на восточном фронте, а тем временем создать буферную республику с центром в Иркутске и армией, подчиненной правительству этой республики. И.Н. Смирнов отмечал: «Колосов и Ахматов обладали достаточной дальновзоркостью, чтобы видеть, что в 1920—1921 годах мы не будем в состоянии вооруженной рукой взять у Японии наш Дальний Восток... Для нас буфер был также необходим, но только как прикрытие с востока, что особенно было ценно в те дни, когда на юге орудовал Врангель и начала наступать Польша. Задача заключалась в том, чтобы создать именно такой буфер, который нам необходим»⁵. Вместе с делегацией Политцентра прибыл представитель иркутского губкома А.М. Краснощеков. Он предлагал организовать «красный буфер»: «Нами мыслится буфер как временное образование, как дипломатическая ставка».

И.Н. Смирнов поддержал инициативу А.М. Краснощекова, она наилучшим образом соответствовала директивам ЦК РКП(б) «искать пути к мирному разрешению запутанного вопроса в Восточной Сибири, по возможности избегая вооруженного столкновения с Японией»⁶. Политцентровцы поддерживали идею буфера, чтобы предотвратить столкновение с Японией. Смирнов добавил, что буфер нужен и для установления отношений с США. Политцентровский делегат И.И. Ахматов охотно ухватился за дополнительный аргумент в пользу буфера, что и было зафиксировано в протоколе. Формулировка соглашения о необходимости создания буфера устраивала обе стороны, однако места для Политцентра в этом буфере не предусматривалось.

В вопросе о границах буфера политцентровцы добивались, чтобы на западе в него входил Иркутск; РВС-5 и Сибревком настаивали на перенесении буфера восточнее Верхнеудинска. Но, учитывая ситуацию в Иркутске, где Политцентр был официальной властью, было решено, что «граница буфера на запад временно определяется по линии рек Оки и Ангары»⁷. С укреплением Советской власти в Восточной Сибири граница буфера была перенесена за Байкал.

Организация армии буфера не обсуждалась на томском заседании, однако коммунистам удалось добиться решения в своих интересах: «...для организации регулярной армии, способной противостоять натиску со стороны иностранных и империалистических сил, Советская Россия предоставляет в распоряжение Восточно-Сибирской государственности (т. е. буфера, возглавляемого коммунистами. — **В.К.**) организационно-технические силы»⁸. Политическому центру поставили задачу принять меры для охраны поезда Колчака, его штаба и золотого запаса и передать их при первой возможности органам советской власти в Сибири.

Таким образом, Политцентру и его органам в Иркутске не было сделано существенных уступок, все решения томского совещания принимались в интересах укрепления советской власти. Если изначально идея буфера не была достаточно понятной коммунистам, то во время переговоров они сумели выяснить соотношение сил и обстановку и обратить ситуацию в свою пользу, хотя и Политцентр не оттолкнули как возможного временного союзника.

Томское совещание 19 января 1920 г. стало кульминационным пунктом борьбы за овладение инициативой в строительстве дальневосточного буфера:

если до этого мелкобуржуазным партиям казалось, что они займут в истории революции место создателей «независимого демократического» государства на Дальнем Востоке, то теперь их иллюзии рассеялись.

20 января И.Н. Смирнов направил телеграмму В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому, в которой сообщил о результатах переговоров с Политцентром и о планах Сибревкома и РВС-5 относительно буферного строительства: «Признать государство-буфер, начиная от р. Оки, что у ст. Зима, до Владивостока... Не доводя до сведения Политцентра... Реввоенсовет сосредоточивает 3 дивизии у ст. Зима, куда сгоняет подвижной состав на Иркутск — Верхнеудинск, захватывает кругобайкальскую дорогу, а Политцентр переходит в Читту». Кроме того, «Реввоенсовет назначает Главкома и весь штаб войск Политцентра из коммунистов 5-й армии»⁹.

В.И. Ленин по этому поводу писал: «В отношении буферного ваше предложение одобряю. Необходимо лишь твердо установить, чтобы наш представитель или лучше два представителя при Политцентре были осведомлены о всех решениях, имели право присутствия на всех совещаниях Политцентра»¹⁰.

Претензии Политцентра на руководящую роль в буферном строительстве большевики отвергли. Таким образом, стратегическая задача — организовать на Дальнем Востоке буферное государство — была поставлена. 21 января Политцентр в Иркутске сошел со сцены, и власть перешла к военно-революционному комитету во главе с А.А. Ширямовым. Первым постановлением ВРК объединил все добровольческие и партизанские отряды, а также все войсковые части бывшей Народно-революционной армии в регулярную восточно-сибирскую армию с единым командованием¹¹.

В ответ на телеграмму мирной делегации Политцентра ЦК РСДРП 22.01.20 г. принял резолюцию, в которой потребовал, «чтобы советская власть ни в коем случае не пыталась, вопреки явным интересам революции, силою оружия навязать свою волю крестьянско-пролетарской революционной демократии Восточной Сибири, свергнувшей своими силами колчаковскую диктатуру и образовавшей свою краевую власть: наоборот, скорее соглашением с этой властью дала бы ей возможность выполнить стоящие перед нею революционные задачи и тем самым положила бы начало единого революционного фронта по всей России»¹².

24 января 1920 г. красноярское совещание коммунистов и представителей социалистических партий подтвердило решение томских переговоров, но в связи с тем, что Политцентр ушел с исторической арены, коалиция большевиков с мелкобуржуазными партиями теперь рассматривалась лишь как средство, обеспечивающее осуществление целей, поставленных коммунистической партией и советским правительством.

Мелкобуржуазные партии решили сохранить свои требования: создание буферного государства с включением Иркутска и подчинение армии буферного государства буферному правительству. Так, 25 января 1920 г. на первом заседании Иркутского Совета рабочих и солдатских депутатов эсер А.А. Иваницкий-Василенко заявил: «Расходясь в вопросах понимания революции, мы сойдемся в вопросах борьбы с реакцией... Долой гражданскую войну в рядах самой демократии»¹³.

В «Извещении ЦК ПСР» 28 января 1920 г. было заявлено: «Приветствуя образование этого государства-буфера, ЦК видит в нем будущую органическую составную часть Единой Федеративной Российской Демократической республики. Признавая, что основной фронт новой местной республики есть фронт ее против разбитой, но еще недобитой контрреволюции и союзных с нею империалистических хищников, ЦК одобряет ее примирительную политику по отношению к наступающим большевистским силам»¹⁴.

В конце января 1920 г. в Приморье и Прибайкалье начались ликвидация колчаковских органов власти и образование «розовых» правительств из земцев, эсеров и меньшевиков с сохранением позиций коммунистов как руководящей военной силы.

В начале января на подпольной городской конференции коммунисты приняли решение провести восстание против колчаковского управляющего Приморской областью генерала С.Н. Розанова под лозунгом перехода всей власти к Советам. Председатель областного комитета РКП(б) И.Г. Кушнарев сообщил в ЦК РКП(б), что «настроение масс сейчас в такой степени боевое, что они легко пойдут на борьбу с ненавистной атамановщиной под какими угодно лозунгами даже без нашего призыва»¹⁵.

К середине января во Владивостоке сложилась сильная группировка земцев и кооператоров, выступавшая против диктатуры Розанова. Обращаясь к коммунистам, меньшевики и эсеры призывали «забыть свои отдельные классовые и групповые интересы, свои партийные распри и ссоры и в едином национальном сознании русских людей противопоставить себя, как единую силу, возможному иностранному нашествию»¹⁶. Коммунисты воспользовались предложением меньшевиков и эсеров, справедливо полагая, что введение советской власти в Приморье замедлит эвакуацию интервентов и может привести к японскому выступлению против восставших. Поэтому было решено после свержения С.Н. Розанова передать власть земской управе¹⁷. 25 января областной комитет РКП(б) обратился с призывом ко всем противникам С.Н. Розанова «выступить под единым руководством организации РКП(б) на Дальнем Востоке для победы Советов и воссоздания единой, великой России»¹⁸.

Для непосредственного руководства восстанием был создан Дальневосточный областной Военно-революционный штаб. Хотя руководитель штаба С.Г. Лазо призвал солдат егерского батальона во Владивостоке создать отрядный комитет и быть в полной боевой готовности, в одиночку ничего не предпринимать, 25 января батальон восстал. После того как об этом стало известно в других частях владивостокского гарнизона, они выступили в его поддержку. Областной военревштаб призвал создавать в каждой части комитет, а также объединенные комитеты близко расположенных частей, офицеров, не согласных с этим, арестовывать, не предпринимать ничего, что дало бы возможность союзным войскам или войскам, верным С.Н. Розанову, напасть первыми. Эти комитеты должны были выполнять только приказы военревштаба.

В ночь с 25 на 26 января власть в Никольске-Уссурийском в непосредственной близости от Владивостока перешла к местному военно-революционному штабу. Аналогичные события произошли в Спаске и Гродеково. 29 января Никольск-Уссурийский военно-революционный штаб предъявил ультиматум генералу С.Н. Розанову, в котором предлагал сложить полномочия к 9 часам утра 31 января и передать власть областной земской управе¹⁹. Под руководством оперативного штаба революционные части и партизаны заняли телеграф, почту, телефонные станции, банки и правительственные учреждения и взяли под охрану все стратегические пункты. Генерал С.Н. Розанов, загнанный в тупик, объявил о своем подчинении атаману Г.М. Семенову. Как отметил приехавший во Владивосток генерал В.Г. Болдырев, «это не укрепило, но еще более ослабило его позицию, и без того почти безнадежную»²⁰.

31 января в крепости Владивосток произошло восстание гарнизона, и объединенный оперативный штаб объявил о принятии всей полноты власти.

Приморская областная земская управа опубликовала декларацию, объявив о временном принятии «всей полноты государственной власти» и проведении мероприятий буржуазно-демократического характера: ликвидация остатков старой власти, восстановление политических и общественных свобод, восстановление «нормальной хозяйственной жизни».

Меньшевики сразу же откликнулись на известие о перевороте. В прокламации владивостокского комитета РСДРП было заявлено, что «одной из первейших наших задач в интересах пролетариата, в интересах всего трудящегося населения, должно быть воссоединение дальневосточной окраины с остальной Россией».

Владивостокский комитет ПСР, полагавший, что теперь они могут формировать политику, в своем постановлении 2 февраля признал «необходимым назначение в кратчайший срок Приморской областной земской управой... общих перевыборов во все органы земского и городского самоуправления области согласно закону Всероссийского временного правительства» во имя «проведения идеи народоправства»²¹.

Поддерживая Приморскую облземуправу, которая объявила себя Временным правительством Дальнего Востока, Дальневосточный комитет РКП(б) объявил, что «временная передача власти земству — переходная ступень к Советской власти». В качестве ближайших мер были намечены конкретные шаги по укреплению финансово-экономического совета, который возглавил П.М. Никифоров, и Военного совета, куда кроме трех коммунистов входили еще представители от земства и от сибирского союза ПСР²².

Влияние коммунистов заставляло облземуправу проводить осторожную политику. Когда прибывший в Читу генерал С.Н. Войцеховский с 30-тысячной армией направил письмо А.С. Медведеву, в котором просил сообщить об отношении Приморской областной земской управы к коммунизму, в ответном послании А.С. Медведев сообщил, что Временное правительство Дальнего Востока «не может допустить вооруженной борьбы против Советской власти, считая таковую гибельной для народа, Правительство готово посредничать между каппелевской и советской армиями при условии отказа каппелевцев от продвижения на восток и прекращения активных военных действий»²³.

Зависимость от коммунистов в то же время тяготила Временное правительство. В частной беседе председатель облземуправы А.С. Медведев с генералом В.Г. Болдыревым высказывал желание части членов правительства «сложить свои полномочия и отказаться от высоких почестей».

Не удалось мелкобуржуазным партиям закрепиться у власти и в Амурской области. В результате переговоров атамана А.Д. Кузнецова с земцами в Благовещенске образовался «временный совет демократических самоуправлений», просуществовавший всего один день — 5 февраля. В ночь с 5 на 6 февраля земство передало власть временному исполнительному комитету Совета рабочих и крестьянских депутатов; над городом развернулось красное знамя.

После выяснения политической обстановки в Иркутске и на Дальнем Востоке дальневосточные коммунисты вновь вернулись к идее буфера. Они предлагали восстановить возможно скорее советскую власть и при помощи Красной Армии изгнать японских интервентов с Дальнего Востока. 4 февраля 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б), обсудив ситуацию в Восточной Сибири, приняло постановление: «1. По военно-политическим соображениям относимся к буферу терпимо. 2. Считаем недопустимым давать санкции и наших представителей для буфера. 3. Считаем возможным вступить с ними в деловые отношения»²⁴. Заместитель председателя Сибревкома М.И. Фрумкин,

сообщив об этом решении Л.Д. Троцкому, запросил указаний ЦК по вопросам дальневосточной политики. Последний потребовал сформулировать более четко разногласия по вопросу о буфере для формального решения ЦК и подчеркнул: «...по существу, необходима величайшая осторожность в движении буфера, что может иметь важное значение»²⁵.

ЦК РКП(б) был обеспокоен тем, что местные партийные организации не совсем понимают стратегический замысел — создание буфера на Дальнем Востоке. 19 февраля 1920 г. В.И. Ленин направил по этому поводу телеграмму Л.Д. Троцкому. Сибирские коммунисты приняли требование ЦК, и вскоре началась агитация в пользу буферного государства: «На западе существует Эстония, на востоке имеет право существовать Дальневосточное государственное образование, дружественно настроенное к Советской России, как посредник с другими странами»²⁶.

24 февраля в Красноярске состоялось заседание краевых комитетов эсеров и меньшевиков с председателем Сибревкома И.Н. Смирновым и уполномоченным Сибревкома А.М. Краснощековым. И.Н. Смирнов декларировал линию коммунистической партии: «Совнарком решил твердо и определенно содействовать образованию буферного государства на Дальнем Востоке... государство это мыслится временным»²⁷. А.М. Краснощекков настаивал на переносе границ буфера за Байкал: «Что касается границ буфера, то на Дальнем Востоке — естественное место для создания буфера. Самой правильной границей должна быть Чита»²⁸.

Меньшевики и эсеры не соглашались на перенесение границ на восток. Меньшевик И.И. Ахматов заявлял: «Продолжать буферную игру с надеждой на некоторый успех можно только при условии формального укрепления Иркутска за буферным государством». Его поддержал эсер В.М. Коногов: «Буферное государство краевой комитет (эсеров. — **В.К.**) мыслит себе с определенной территорией. Иркутск должен войти в пределы буфера»²⁹.

Кроме того, эсеры и меньшевики требовали подчинить армию буферного государства на Дальнем Востоке буферному правительству. Гирштейн приоткрыл замыслы эсеров: «Создание армии здесь возможно и под флагом буферного государства...».

25 февраля на красноярское совещание прибыл делегат из Владивостока И.Г. Кушнарев. Он сообщил об освобождении Приморской области и Благовещенска и высказал свое отрицательное отношение по поводу создания на Дальнем Востоке коалиционной социалистическо-коммунистической власти. А.М. Краснощекков предложил два варианта организации власти в буфере: «1) коалиция между большевиками, меньшевиками и эсерами официальная; такой план был бы для иностранцев самым приемлемым; 2) правительство коалиционное без большевиков, остальные более левые группы, не вступая во власть, ее поддерживают. Такая власть существует во Владивостоке фактически. Центральная Советская власть на эту форму власти вполне согласна. Коммунисты обещают ее поддерживать»³¹. Однако ни эсеры, ни меньшевики не соглашались участвовать в строительстве буфера без Иркутска. Они не стали обсуждать предложение А.М. Краснощеккова. А вскоре появились два документа: «Основные положения всесибирского краевого комитета партии социалистов-революционеров по вопросу об образовании буферного государства (март 1920 г.)» и «Резолюция бюро сибирских организаций РСДРП (29 февраля 1920 г.)» Обе партии отказались участвовать в строительстве буфера на Дальнем Востоке на условиях, предложенных коммунистами: граница по р. Селенге и подчинение армии буферного государства РВС советской России.

Меньшевики записали в своей резолюции: «В случае согласия центральной советской власти на образование буфера в границах томского соглашения принять за базу буферного строительства единый революционный фронт, т. е. коалицию коммунистических и социалистических сил на основе установления важнейших руководящих положений внутренней и внешней экономической политики буфера, основ конституции восточно-сибирского буфера и установления основ организации армии и полного ее подчинения руководству коалиционной власти буфера.

Если внутренняя и международная политика коммунистической партии приведет к нарушению территориальных интересов России на Дальнем Востоке в пользу империалистических держав, бюро сибирской организации РСДРП обязывает все организации Восточной Сибири и Дальнего Востока и отдельных членов, принимающих участие во власти, немедленно сложить свои полномочия, возложив всю политическую ответственность за такую политику на коммунистическую партию»³².

Эсеры солидаризировались с меньшевиками: «Всесибирский краевой комитет ПСР отклоняет предложение представителей советской власти о создании временной буферной государственности в Сибири на условиях, выдвигаемых этими представителями, считая не соответствующими изложенным выше условиям как территориальные границы, так и объем прав, не удовлетворяющий требованиям государственной самостоятельности, необходимой для существования положенных в основу создания буферного государства заданий»³³. Эсеры и меньшевики, таким образом, не хотели отказываться от прежней задачи — создать буферное государство буржуазно-демократического типа.

2 марта был освобожден Верхнеудинск. Уполномоченным по делам Забайкалья Иркутский губревком назначил А.А. Ширямова, который объявил, что впредь до официального решения об установлении советской власти в Забайкалье отменяются все сибирские денежные знаки и долговые обязательства, а войска восточной группы Калашникова обеспечиваются пайком³⁴, т. е. на эту территорию распространялась власть Иркутского губревкома и его решения от 17 февраля 1920 г. На совместном заседании партийных и общественных организаций Прибайкалья 5 марта была сформирована «Временная земская власть Прибайкалья» путем пополнения состава Верхнеудинской земской управы двумя представителями от партий коммунистов, меньшевиков и эсеров, двумя представителями от крестьян, выделенными ЦИК Советов Прибайкалья, по одному от профсоюзных организаций и бурятского населения. Председателем ее стал меньшевик И. Пятидесятников.

На совместном заседании было отмечено, что эта власть организовывалась как местная, без придания ей государственных функций. Поднимался вопрос и об организации армии. Поскольку воинские части, занявшие Верхнеудинск, состояли из отрядов, перешедших на сторону Иркутского Политцентра и советской власти от бывшей колчаковской армии и партизан, А.М. Краснощеков предложил считать эту армию не Красной, а Народно-революционной и согласно распоряжению из Москвы она должна была подчиняться местной Прибайкальской власти³⁵.

Председатель Временной земской власти Прибайкалья меньшевик И. Пятидесятников сообщал позже главе военного ведомства Прибайкальского государственного образования Н.К. Гончарову, что «все части армии, находящиеся во всем Иркутском районе к западу от границ Прибайкальского государственного образования с главным штабом, командным

составом, учреждения со всем имуществом, снаряжением и вооружением срочно вызываются в пределы Прибайкальского образования»³⁶. По объективным условиям мелкобуржуазные партии не могли создать самостоятельную прочную власть, в то же время они не хотели уходить с исторической арены, хотя число их сторонников в условиях гражданской войны быстро уменьшалось.

В начале марта 1920 г. ЦК РСДРП направил директиву местным организациям о буферном строительстве. ЦК призывал к соглашению с большевиками: «Для того чтобы восточносибирская красная власть могла успешно разрешить стоящие перед нею задачи и обладать надлежащей прочностью, она должна быть создана соглашением всех революционных партий до коммунистов и включать в себя их представителей»³⁷.

8 марта Всесибирский краевой комитет ПСР опубликовал декларацию: «Не беря на себя ответственности за общую политику Советской власти, но отвергая как нецелесообразную тактику бойкота советских организаций, (комитет — **В.К.**) считает необходимым в настоящее время деятельное участие партии в тех областях работы, которые направлены к борьбе с реакцией и восстановлению культурных и производительных сил страны»³⁸.

На совместном заседании Всесибирского краевого комитета ПСР и Бюро сибирских организаций РСДРП было принято решение: «Опыт Верхнеудинской местной власти показал, что эта местная власть... не может осуществить стоящие перед страной международные задачи, что подтверждается еще раз правильностью нашего отрицательного отношения к буферу по р. Селенге»³⁹.

В ответ на телеграмму председателя Сибирского ревкома И.Н. Смирнова о том, что меньшевики и эсеры условием их участия в буферном правительстве выдвинули расширение границы буфера до Иркутска, Ленин направил телеграмму И.Н. Смирнову: «Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчиняются нам безо всяких условий, либо будут арестованы»⁴⁰.

Для решения практических вопросов буферного строительства 3 марта 1920 г. ЦК РКП(б) создал Дальбюро, его членами назначены Н.К. Гончаров, А.М. Краснощеков и А.А. Ширямов в Верхнеудинске; И.Г. Кушнарев, С.Г. Лазо и П.М. Никифоров — во Владивостоке. Среди членов верхнеудинской группы Дальбюро были разногласия по отношению к буферному строительству. Так, А.М. Краснощеков продолжал воплощать идею буфера, которая излагалась на совещании в Томске 19 января 1920 г. и была поддержана И.Н. Смирновым и ЦК; А.А. Ширямов и Н.К. Гончаров были сторонниками провозглашения в Прибайкалье советской власти. Н.К. Гончаров сообщил в ЦК РКП(б), «...когда 3 марта тов. Смирнов создал Дальбюро и ввел в него заведомо разнородный по отношению к буферному строительству состав, ... работа казалась возможной, но... Дальбюро в наличном составе может приносить лишь вред как делу чисто партийной работы, так и злободневному строительству буфера»⁴¹.

А.А. Ширямов, вопреки указаниям ЦК, агитировал против буфера. В марте городская профсоюзная конференция Верхнеудинска по докладу А.А. Ширямова высказалась «против создания какой бы то ни было коалиционной власти. Только власть трудящихся, власть Советов рабочих и крестьянских депутатов признают рабочие»⁴².

Верхнеудинские коммунисты, однако, поддержали А.М. Краснощекова. 8 марта Верхнеудинский комитет РКП(б) принял резолюцию о текущем моменте, в которой указывалось, что «восстановление Советской власти

в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке может вызвать серьезные осложнения международного характера», и постановил «впредь до изменения международной конъюнктуры в нашу пользу отказаться от немедленного установления Советской власти и признать целесообразным учреждение общедемократической земской власти»⁴³.

17 марта на совещании представителей политических партий обсуждался вопрос о партийном составе Военного совета НРА и военного ведомства, а также о кандидатуре на пост главкома НРА. Эсеры и меньшевики добивались включения своих представителей в Военный совет. Но А.М. Краснощеков в соответствии с указаниями В.И. Ленина дал отповедь меньшевикам и эсерам: «Постольку, поскольку буфер не может стоять на своих ногах, мы даем ему свою армию, и раз соотношение сил в нашу пользу на Востоке, ни в чьих иных руках армия не может быть — вот пункт, где уступать мы не можем... Мы согласны в военное ведомство ввести ваших товарищей, но в органе своего управления мы должны иметь всех своих»⁴⁴.

Такая же ситуация (как в Верхнеудинске) сложилась во Владивостоке: за буфер выступал И.Г. Кушнарев, против — С.Г. Лазо. В середине марта 1920 г. во Владивосток прибыл представитель Сибревкома В.Д. Виленский с директивами партии о создании буферного государства на Дальнем Востоке. Ситуация обсуждалась 16 марта в Никольске-Уссурийском на краевой партийной конференции. Большинство участников высказались за продолжение тактики советизации. С.Г. Лазо аргументировал свою позицию тем, что РКП(б) в Приморье стала партией правящей, его поддержал Яковлев. М.И. Губельман, предполагая, что ЦК и Сиббюро не осведомлены о действительном положении вещей, утверждал, что создание буфера на Дальнем Востоке невозможно: «Я не думаю, что Япония должна выступить только потому, что здесь будет советская власть», мы должны информировать центр и только после нового подтверждения подчиниться. В.Д. Виленский предложил внести в резолюцию следующие слова: «Выслушав директивы центра (об образовании буферного государства. — **В.К.**) мы им подчиняемся и должны создать на Дальнем Востоке такой же аппарат, как в Советской России для их выполнения». Но в резолюции, принятой на конференции, отмечалось, что организации РКП(б) в Приморской области должны организовать Советы на местах, вопрос о создании областной власти должен быть решен съездом трудящихся 1 апреля, кроме того, необходимо «скорейшее объединение всего Дальнего Востока под властью единого советского органа»⁴⁵.

В адрес Сиббюро была направлена телеграмма, в которой от имени конференции владивостокские коммунисты просили «признать дальневосточные Советы частью единой Советской России», сообщалось, что на 1 апреля назначен областной съезд⁴⁶. «Дальневосточное обозрение» комментировало: «Создание буферного государства на Дальнем Востоке не отвечает как общероссийским государственным интересам, так и интересам той окраины, которая должна быть обращена в «буфер»... среди населения Сибири и Дальнего Востока идея создания из последнего буферного государства встретит единодушный и резкий отпор, как проект неосуществимый, фантастический, зародившийся в головах империалистов»⁴⁷.

Чтобы остановить идущее стихийно стремление советизировать Приморье, Сибревком в конце марта отправил следующее указание: «В Верхнеудинске образуется буферное правительство, при котором наш уполномоченный Краснощеков. Все дальневосточные правительства должны согласовываться с действиями и складываться по типу Забайкальского»⁴⁸.

28 марта директивы ЦК о создании буферного государства были доставлены во Владивосток. Далькрайком РКП(б) принял решение отказаться от советизации Приморья.

29 марта владивостокское отделение Дальбюро после получения директив относительно буферного строительства приняло решение отказаться от советизации Приморья и предложить областной земской управе распространить свою власть особым законом на все области Дальнего Востока. 31 марта Приморская областная земская управа приняла решение распространить свою власть на всю территорию Дальнего Востока — Приморскую, Амурскую, Сахалинскую и Камчатскую области — и пополнить свой состав представителями от этих областей. Затем земская управа провела на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании выборы в Народное собрание. Рабочие и крестьяне выбрали в них большинство коммунистов и сочувствующих им. Народное собрание Приморья избрало Совет министров во главе с коммунистом П.М. Никифоровым. Правительство земской управы было сохранено. Однако 1 апреля хабаровские коммунисты выступили с защитой прежней тактики советизации: «Назрел вопрос не только завершения социалистического строительства в Приморской области, но централизация его в краевом масштабе», на днях в связи со съездом трудящихся Приморской области «мы завершим организацию советской власти в областном масштабе созданием областного исполкома»⁴⁹.

О переходе власти на Дальнем Востоке к Советам предполагалось объявить на открывавшемся в Никольске-Уссурийском 2 апреля 1920 г. съезде трудящихся Приморья. Делегаты с мест приехали с наказами восстановить советскую власть, однако под давлением членов владивостокского отделения Дальбюро удалось добиться вынесения резолюции в поддержку буферного государства. На заседании Владивостокского Совета рабочих, красноармейских и краснофлотских делегатов 3 апреля С.Г. Лазо от имени дальневосточного краевого комитета РКП(б) разъяснял: «Пусть мы отказываемся от проведения полностью и советской власти и советской политики, но зато готовы к борьбе», «пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить один удар японского империализма, пусть удар разобьет Совет. Но он не сможет предотвратить неумолимого хода истории»⁵⁰.

При выработке тактики буферного строительства ответственным работникам приходилось так или иначе находить компромисс между настроением масс и необходимостью решать стратегические задачи на Дальнем Востоке. О трудностях в проведении дальневосточной политики свидетельствует ряд телеграмм, направленных в марте с Дальнего Востока в Сиббюро и ЦК. Так, В.Д. Виленский сообщал в Сиббюро, что «делегаты (съезда рабочих и крестьян в Верхнеудинске. — **В.К.**) императивными мандатами требуют Советской власти. Правые социалисты, видимо, откажутся от официального участия в буфере... Попытки его создания распыляют и ослабляют силы. Его приходится создавать почти исключительно усилиями коммунистов, что известно иностранцам»⁵¹. С Виленским соглашался и член Сиббюро Я.Д. Янсон. Он сообщил в ЦК РКП(б): «Чтобы создать буфер, отвечающий директивам Центра, необходимо силами компартии реквизирувать все органы Советской власти на Востоке. Население считает «насадителей буфера» предателями и изменниками... Создание буферного государства, по существу, невозможно, формальное же его существование не достигает цели... Вся попытка образования буферного государства носит искусственный, надуманный характер и проводится в жизнь только в силу партийной дисциплины, а по существу расценивается как политическая выдумка»⁵².

Но установить советскую власть, не ликвидировав японские войска, было нельзя. Этот фактор стал определяющим в дальневосточной политике советской России. Не приспособляться к настроению масс, а вести их за собой, разъясняя смысл и необходимость компромиссов и отступлений, требовал ЦК РКП(б): «Политбюро ЦК, безусловно, за политику поддержки буферного государства. Противники этой политики обязаны прекратить свою оппозицию под угрозой строгого наказания. Политбюро, безусловно, против отвлечения военных и других сил дальше Иркутска»⁵³.

Весь март эсеры и меньшевики не могли определиться: сотрудничать с советской властью или нет. С одной стороны, они понимали, что планы РКП(б) наилучшим образом решают военно-политические задачи на Дальнем Востоке и призывали своих сторонников сотрудничать с органами буферной власти. Так, бюро сибирских организаций РСДРП потребовало от своих членов: «...войне с семеновской реакцией наша прямая политическая обязанность содействовать» и поэтому разрешило им принять участие в строительстве местной земской власти, «рассматривая это участие не в плоскости общего разрешения восточносибирского вопроса, не в плоскости образования государства-буфера, а исключительно в плоскости содействия делу борьбы с семеновской реакцией». Но, с другой стороны, «поскольку эта борьба в настоящем ее виде сама по себе не разрешает основного вопроса — вопроса о снятии блокады через конструирование восточносибирского буферного государства и не устраняет возможности территориальных уступок внешним империалистическим силам, — Бюро сибирских организаций не считает себя вправе взять на свою политическую ответственность государственно-буферное строительство» (т. е. их не устраивал «красный» буфер). «Коммунисты предлагают придать земской власти в Верхнеудинске характер государственной власти, социал-демократы и эсеры же настаивают на признании за ней характера лишь местной власти»⁵⁴. А это разногласие в тот исторический момент означало, будет ли дальневосточный буфер «красным» или «черно-розовым».

Иркутские коммунисты, воодушевленные победой в Восточной Сибири, не оставляли попыток распространить власть Советов на Дальний Восток, и 31 марта иркутский комитет РКП(б) отправил телеграмму в Сиббюро с просьбой отозвать сторонника буферной политики А.М. Краснощекова с Дальнего Востока. Член Сиббюро М.И. Фрумкин дал указание Иркутскому губкому «прекратить агитировать против Краснощекова и проводимой им политики, основанной на директивах ЦК».

На II Иркутской губернской партийной конференции 3 апреля 1920 г. развернулась острая дискуссия о буфере. Делегат конференции Я.Д. Янсон отметил, что «настроение рабочих и крестьян благоприятное, но нужно уметь подойти к ним и использовать эти настроения» и предложил проводить директивы ЦК о буферном государстве. В поддержку резолюции о необходимости создания буфера проголосовали 27 чел., против — 25⁵⁵.

Сиббюро 2 апреля рассмотрело вопрос о буфере и отправило телеграмму в ЦК РКП(б)⁵⁶. Телеграмма была за подписью М.И. Фрумкина, который сообщал, что на Дальнем Востоке стихийно создается советская власть, что единого буфера нет, а «есть осколки трех буферов, не могущих играть никакой роли», и «наши действия под флагом буфера, вернее бездействия, определенно укрепляют уверенность нашей непрочности... каждый лишний день буферной политики ослабляет нас, усиливает внутренних, внешних врагов»⁵⁷.

Окончательно решение об образовании буфера на Дальнем Востоке было принято 2 апреля на съезде трудового населения Прибайкалья, проходившем в Верхнеудинске:

«1. Признать целесообразным и необходимым образование самостоятельной автономной власти в пределах Забайкалья и Дальнего Востока, объединяющей области Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин и полосу отчуждения КВЖД.

2. Установить в этой области власть демократическую, представляющую все слои населения с привлечением всех социалистических партий: эсдеков и эсеров, коммунистов-большевиков, общественные учреждения в лице представителей областного земства»⁵⁸.

Чтобы не допустить восстановления советской власти в Приморье, 4 апреля японцы предъявили приморскому правительству ультиматум о разоружении войск и отводе их от линии железной дороги, а вечером начали захватывать правительственные учреждения. Одновременно в Никольске-Уссурийском и Хабаровске японцы разоружили русские войска. Как рассказывал генерал-майор Нисикава в своих воспоминаниях, всем японским частям был отдан приказ «немедленно покончить с революционными войсками»⁵⁹.

Однако 5 апреля они вынуждены были отказаться от вооруженного вмешательства и начать переговоры с Временным правительством Приморья. Японское выступление в Приморье активизировало буржуазные группы и мелкобуржуазные партии. Находившийся во Владивостоке генерал В.Г. Болдырев позже отмечал, что «у правых группировок, в свою очередь, могла серьезно явиться мысль воспользоваться японским выступлением для захвата власти — в этом нет ничего неправдоподобного. Дальний Восток остался к этому времени почти единственной территорией, последним «оазисом», где не было Советов»⁶⁰.

Кадет Л.А. Кроль, выражая мнение партии кадетов в Приморье, заявлял, что после японского выступления «Приморье становилось на демократический путь. Ставилась задача создать на Дальнем Востоке демократический буфер. Созывалось Народное представительство — «Народное собрание» с обширными правами. Учитывалось, что при существовавших настроениях буржуазия имеет мало шансов на представительство, избираемое в городах при пропорциональной системе. Поэтому 10 депутатских мест предоставили выборным от торгово-промышленной палаты, уравновесивая их 10 депутатами от профессиональных союзов»⁶¹.

Выступлением Японии воспользовались эсеры, потребовав «демократизм распространить не только на Забайкалье, но и на всю Россию, идею народоправства противопоставить диктатуре пролетариата»⁶². Под «демократизмом» они имели в виду буржуазно-демократическую власть Приморской областной земской управы. В этих условиях продолжавшийся в Верхнеудинске съезд трудового населения Прибайкалья 6 апреля объявил себя Учредительным съездом трудящихся Забайкалья и провозгласил Декларацию об образовании независимой демократической Дальневосточной республики (ДВР).

¹ Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957. С. 95, 96.

² Шагин Э.М. Из истории Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) // Уч. зап. МГПИ. М., 1970. № 370. С. 4.

³ ГАНУ. Ф. 867. Оп. 1. Д. 20. Л. 43.

⁴ Цит. по: Шерешевский Б.М. Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966. С. 57, 58.

⁵ Смирнов И.Н. От колчаковщины к Советам (переговоры с Политцентром в январе 1920 г.) // Сиб. огни. 1927. N 5. С. 138, 139.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Там же. С. 146.

⁹ Дальневосточная политика советской России (1920—1922 гг.). Новосибирск, 1997. С. 17, 18.

- ¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 334.
- ¹¹ ГАИО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ¹² Социал-демократ. 1920. 21 марта.
- ¹³ Сиб. правда. 1920. 27 янв.
- ¹⁴ Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 187, 188.
- ¹⁵ Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.). Владивосток, 1955. С. 308, 309.
- ¹⁶ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 862. Л. 7; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 936. Л. 5.
- ¹⁷ См.: Никифоров П.М. Записки премьера ДВР (победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.)). М., 1963. С. 161; Постановление владивостокской областной организации РКП(б) см.: ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 569. Л. 28, 29.
- ¹⁸ ПГОМ. N МПК-15388-24.
- ¹⁹ ГАПК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 5а. Л. 20. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новосибирск, 1925. С. 302.
- ²⁰ Эхо. 1920. 4 февр.
- ²¹ Там же.
- ²² ГАПК. Ф. 715/Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 2; ГАНО. Ф. П-5 Оп. 2. Д. 687. Л. 21.
- ²³ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 164. Л. 86, 87.
- ²⁴ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 12.
- ²⁵ См.: Сиб. огни. 1927. № 5. С. 147.
- ²⁶ Сов. Сибирь. 1920. 29 февр.
- ²⁷ ГАНО. Ф. П-5, Оп. 2. Д. 1384. Л. 4а.
- ²⁸ Там же. Л. 5а.
- ²⁹ Там же. Л. 4в, 5а, 5б.
- ³⁰ Шагин Э.М. Из истории Дальневосточной республики. С. 10, 11.
- ³¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2, Д. 1384. Л. 11.
- ³² Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2. Л. 10, 11.
- ³³ Там же. Л. 3.
- ³⁴ ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 80. Л. 1.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 69. Л. 1, 8.
- ³⁶ ГАНО. Ф. 867. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.
- ³⁷ Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. М., 1931. С. 68, 69.
- ³⁸ Известия всесибирского краевого комитета партии с.-р. 1920. 8 марта.
- ³⁹ Там же. 2 апр.
- ⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 156.
- ⁴¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 50. Л. 17.
- ⁴² Шерешевский Б.М. Разгром семеновщины. С. 75.
- ⁴³ Митупов Б.М. Большевицские организации на территории Бурятии в 1918—1923 гг. // Из истории партийной организации Бурятии: Сб. статей. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. С. 39.
- ⁴⁴ Шерешевский Б.М. Разгром семеновщины. С. 101.
- ⁴⁵ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 134. Л. 18, 18а; Борьба за власть Советов в Приморье. С. 386, 387.
- ⁴⁶ История гражданской войны в СССР: 1960. Т. 5. С. 333.
- ⁴⁷ Дальневост. обозрение. 1920. 25 марта.
- ⁴⁸ ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 324. Л. 107.
- ⁴⁹ Коммунист. 1920. 1 апр.
- ⁵⁰ Шерешевский Б.М. Разгром семеновщины. С. 78; Лазо С. Г. Дневники и письма. Владивосток, 1959. С. 175—177.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 1.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 324. Л. 107.
- ⁵⁴ Социал-демократ. 1920. 21 марта.
- ⁵⁵ ЦДНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 34.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 2. Д. 50. Л. 10.
- ⁵⁸ Из истории гражданской войны в СССР (февраль 1920 — октябрь 1922). М., 1961. Т. 3. С. 714, 715.
- ⁵⁹ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 200. Л. 30.
- ⁶⁰ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. С. 336, 337.
- ⁶¹ Кроль Л.А. За три года. Октябрь 1917 — апрель 1920 г. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1920. С. 211, 212.
- ⁶² Шурыгин А.П. Борьба РКП(б) против непролетарских партий в Дальневосточной республике (1920—1922 гг.) // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне: Материалы конф. М., 1980. С. 221.

SUMMARY: The author of the article «The Formation of the Far Eastern Republic» Vladimir Kokoulin wrote his work on the important problem dealing with the history of the Civil war in the Far East. The researcher introduces into the scientific work a considerable part of new material that could be interesting for historians.